

сочинял и злую сатиру — притом сатиру даже остро социальную, осмеивая явления, враждебные меценату. Пожалуй, самым ярким примером такого рода служит шутотрагедия Крылова, написанная им для князя С. Ф. Голицына (мужа племянницы Потемкина), при Павле оказавшегося в опале. Приведу обширную цитату из статьи Г. А. Гуковского, весьма выразительно характеризующую этот эпизод: «При Голицыне Крылов был не то приживальщиком, не то служащим < . . . > Крылов живет у Голицына в деревянном флигеле, рядом с конторой, и дает уроки сыновьям Голицына и другим детям (М. П. Сумароковой и Ф. Ф. Вигелю), так как Голицын приехал в свою деревню настоящим феодалом в немилости, с целым двором; Крылов, кроме того, играет в триктрак с сыном Голицына, дает маленькие концерты на скрипке для „милостивца“ и его семьи; мало того, Крылов сочиняет для „милостивца“ и именно в таком духе, чтобы угодить ему, шутотрагедию „Поддипа“. Это — веселая шутка для любительского спектакля в доме Голицына; но Крылов искусно ввел в нее сатиру на „гаичинцев“ Павла I, на его немецких фрунтманов, на тупоголовых вояк прусского образца, то есть как раз на тех людей, которые заменили у трона прежних, екатерининских людей, которые и самого Голицына загнали в Казацкое. Трудно было более ловко подольститься к „меценату“. Так началась эта линия крыловской творческой неискренности; он писал в том направлении мыслей, которое требовалось его „покровителями“ или властью, притом не грубо лгать, а тонко подделываясь под чужой вкус».¹⁶

Здесь же — из воспоминаний Вигеля — ученика Крылова: «Обхождением его со мной я был очень доволен: правда, он напоминал мне иногда о почтении, коим обязан я ребятам, молодым князьям, моим товарищам, что мне весьма было не по сердцу; но зато маленькому англичанину Личу при мне говорил он, что ему не следует забываться передо мной, генеральским сыном».

Гуковский комментирует: «Эту молчалинскую мораль проповедовал в 1800 году тот самый человек, который в 1792 году написал „Каиба“».

С широким распространением литературного сервилизма прямо соотносится проникновение в русское дворянское общество идущих опять-таки из Европы представлений о занятиях поэзией как о чем-то недостойном благородного человека. Еще в 1747 г. на русском языке вышла в переводе С. Волчкова книга Бельгарда «Совершенное воспитание детей. . .», где, в частности, шла речь и об отношении к литературе, которое надо воспитывать в молодых дворянах: «Нехудо, ежели шляхтич древних и новых стихотворцев книги знает и при случае на своем языке вирши сделать может, только бы сия охота для забавы была, а в слепую страсть не обратилась. Стихотворство в том особенное несчастье имеет, что всю свою красоту и почтение теряет, ежели человек публич-

¹⁶ Гуковский Гр. Иван Андреевич Крылов // Крылов. Полн. собр. стихотворений. [Л.], 1935. Т. 1. Басни. С. 53—54.